

Все обитатели мира уверены, что великие свершения и подвиги возможны исключительно во время войн. Что лишь безжалостный огонь постоянных сражений являет нам истории, достойные пера сказителей. Что повседневная жизнь пресна, и нет в ней событий, способных стать легендами.

Все обитатели мира искренне верят в героизм большой войны.

И не понимают, что историю творят не мечи, а люди. Их трусость и отвага, подлость и стойкость, честолюбие и вера — люди ведут за собою мир, и не важно, полыхает ли вокруг война, или же тихо текут спокойные будни. Не важно, потому что тот, кому суждены великие дела, не обращает внимания на такие мелочи — он идет к своей цели. Он упрям и тверд, он преодолевает преграды и знает, что свершения его будут грандиозными. И еще он знает, что помешать ему способен лишь столь же сильный человек.

Эта история произошла в 70-м году Эры Прайма, всего за несколько лет до начала Второй войны между империей Доктов и Адорнийским королевством.

В этой истории были предательство и самопожертвование, ненависть и любовь, гениальные открытия и жаркие схватки, власть императора висела на волоске, но... Но эту историю забыли. О ней не рассказывают университетские профессора и не слагают баллады менестрели, ее участники либо мертвы, либо предпочитают молчать, а значит, этой истории не было.

ПРОЛОГ

Нет ничего на этом свете прекраснее и возвышеннее, чем вид океана. Чем вид непоседливых, пребывающих в вечном движении волн, простирающихся настолько далеко, что ни взгляд человеческий, ни даже разум, неспособны осознать огромность сих просторов — лишь их величие. Океан завораживает, приковывает к себе, и необязательно, чтобы сам он был при этом спокоен — совсем нет. Полный штиль или грохочущие волны, яростно бьющие в скалистый берег, легкое волнение или разгулявшийся шторм — не важно, океан велик в каждом своем образе, и его невероятная мощь заставляет любого человека ощущать себя жалкой песчинкой. Заставляет задуматься о том, как легко потеряться среди невероятных просторов неистового. А еще, возможно, заставляет радоваться тому, что наслаждаться океаном ему повезло с безопасного расстояния, а не с качающейся палубы хрупкого корабля.

Большое лучше всего видится на расстоянии, например — из окна высокой башни, продолжающей своими толстыми стенами могучую прибрежную скалу. Из просторной, но съезжившейся из-за многочисленных книжных шкафов комнаты, которая служила Безвариату Сотрапезнику кабинетом, в которой он частенько уединялся, дабы спокойно поразмышлять под мерный шум великого океана. Полюбоваться им, успокоиться...

Как правило, подобные часы отшельничества приводили Сотрапезника к удивительным открытиям,

прославившим его имя на всю империю Доктов, но сегодня мысли Безвариата были неизмеримо далеки от любимой работы. Сегодня они были тяжелы, как десятиметровая волна, и беспросветны, как безлунная ночь. Сегодня Сотрапезником владела тоска, разогнать которую не мог даже сказочный вид океана.

Сегодня...

«Океан велик и могуч, но он скован берегами. Как ни смешно — скован. Его невероятная сила в полной мере проявляется лишь там, где океан есть. В его царстве. В его тюрьме».

И Безвариату вдруг показалось, что океан — это он. Могущественный, способный на все, но... скованный, запертый в темнице берегов. И все его невиданное могущество способно вызвать жалостливую улыбку даже у песчинок.

«Я в тюрьме!»

А самое печальное — в тюрьме, выстроенной собственными руками. И стены ее — его идеи, его чувства. Как сокрушить стены, когда они внутри? Как заставить себя отвергнуть все, чем жил последние годы?

Как?

Но и оставаться в тюрьме нет никаких сил. Ведь океан, случается, выходит из берегов! Обрушивает ярость на прибрежные скалы и рвется дальше, в глубь земли, заливая леса и поля солью победы. Сокрушая все, что оказывается на пути. Сбрасывая хоть на время незыблемыми оковы. Океан не успокаивается, он вечно воюет со своей тюрьмой, а он, великий Сотрапезник — океан. И значит...

— Безвариат!

Женский голос выдернул ученого из глубокого раздумья, в которое он погрузился, стоя у стрельчатого окна. И пусть великолепная панорама не принесла привычного умиротворения — ученого продолжали одолевать тяжкие мысли, — вид невысоких волн с бесконечным упрямством накатывающих на торчащие у подножия

башни рифы, сумел захватить Сотрапезника. Захватить настолько, что он не услышал ни шагов, ни скрипа открывающейся двери, а потому внезапный оклик заставил ученого вздрогнуть. Он резко обернулся, подслеповато уставился на вошедшую в кабинет женщину, и машинально пригладил пышную седую бороду:

— Агата?

— Да, мой милый Безвариат, это я. Неужели ты думал, что кто-нибудь еще осмелится войти в твою берлогу без разрешения?

Женщина тихонько рассмеялась, и мелодичный смех поверг Сотрапезника в томление. В такое привычное, и такое сладкое томление, очаровывающее не хуже океана.

«Агата...»

Агата Луиза Мария Франциска Андреа, леди Кобрин, сиятельная владетельница обширной и богатой Кобрии, самой южной доктской провинции. Сиятельная во всех смыслах: и по происхождению, и по несравненной красоте, о которой складывали восторженные гимны все менестрели империи.

Высокая, стройная блондинка с большими небесно-голубыми глазами, она резко отличалась от смуглых и черноволосых южанок — семья Кобрин происходила с севера, родословную вела еще со времен старой империи, и предки Агаты тщательно следили за чистотой своей благородной крови. Одевалась леди изысканно, модные тенденции узнавала одной из первых, и ее роскошное алое платье было создано известнейшим столичным кутюрье. Прелестную шею Агаты украшало ожерелье из мусванских рубинов, а на голове поблескивала диадема.

Это облачение, вкупе с горделивым взором и царственной осанкой, превращало Агату в настоящую владетельницу: недоступную и холодную, однако с Сотрапезником она вела себя не просто мягко, а по-дружески, как с очень близким человеком.

— Ты показался мне печальным, Безвариат, — участливо произнесла леди. — Что-то случилось?

«Она действительно еще не знает? Или это игра?»

Сотрапезник неопределенно повел плечом и вновь пригладил бороду знаменитым на всю империю жестом:

— Наш эксперимент...

— Ты говорил, что разработка идет по плану, и ты сможешь справиться со всеми препятствиями.

Она перебила его очень мягко, не позволив зародиться даже тени раздражения. Она умела вести трудные разговоры, и Безвариат в очередной раз понял, как много он проигрывает этой сильной и умной женщине.

«Никто не обвинит меня в том, что я попался в твои сети, Агата, — ты слишком хороша».

А сети ослепительной леди — часть стен его темницы. Самая крепкая часть.

— Ученые изыскания полны неожиданностей, сомнения естественны, — промямлил ученый.

— Безвариат Сотрапезник сомневается в своих силах?

— Увы, Агата, никто не застрахован от ошибок.

Женщина подошла ближе, и ее тонкие длинные пальцы нежно прикоснулись к щеке ученого:

— Даже ты?

Одним коротеньким вопросом леди Кобрин сумела выразить и свое изумление услышанным, и несгибаемую веру в гений Безвариата. Она смотрела на ученого так, как в древности люди смотрели на богов, но теперь у Сотрапезника было противоядие от этого взгляда. Но только от него — порвать опутавшую его сеть он не мог.

— Даже я, — подтвердил Безвариат, продолжая затеянную леди игру в «Мне ничего неизвестно». — Настоящий ученый обязан сомневаться, обязан искать другие пути, новые дороги...

— А чем плоха правильная?

Сотрапезник осекся, и возникшая пауза позволила леди Кобрин с жаром развить мысль:

— Тернист и сложен путь, по которому идет настоящий ученый. Ошибки, неудачи, проваленные опыты и бесконечные сомнения — вот чем отмечена дорога к знанию. Но цель — цель стоит усилий и мук. Великое открытие дается не каждому — только упорному и умному, это знает всякий докт. Ты оступился, но мы — рядом. Мы поддержим тебя, поможем снова встать. — Коротенькая пауза. — Эларио Хирава не сомневается в успехе.

— Он маг, — буркнул Безвариат просто для того, чтобы остановить стремительную речь Агаты.

— И что?

— Маги, особенно сильные, особенно адорнийцы, изначально поставлены в иные условия. Сила Эларио напрямую зависит от его эмоций, от его веры в себя, а потому Хирава не имеет права сомневаться. В противном случае у него действительно ничего не получится.

— У тебя на все есть ответ, Безвариат.

— Иначе бы тебе служил другой ученый, Агата.

Удивленный взгляд, хрустнувшие пальцы, трагический голос:

— Ты не служишь мне, Безвариат! Ты — мой друг.

Ей следовало бы стать прямой бродячего театра, но происхождение не позволило.

«А ведь когда-то я верил каждому ее слову...»

Действительно он считал себя другом кобрийской владельницы, и даже больше чем другом. И не без оснований. Но теперь многое изменилось, очень многое.

— Разве наш замысел не плод совместных размышлений? Разве ты больше не считаешь, что мы создаем будущее? Лучшее будущее, чем то, что уготовил нам император?

Как же трудно отвечать на прямые вопросы! Сотрапезник даже репетировал это мгновение, уверенно по-

вторял перед зеркалом гордые ответы, но, встретившись с Агатой лицом к лицу, растерялся.

И выдохнул:

— Считаю.

Она по-прежнему оставалась его леди. Его любимой леди.

— Тогда почему ты говоришь, что служишь мне?

— Извини.

Как разрушить стену, которая внутри? Наверное, постепенно. А что делать, если не получается?

— Нас ждет очень серьезный эксперимент, — улыбнулась леди Кобрин. — И мы все немного нервничаем.

— Да.

«Она не просто так упомянула опыт. Она все знает и уверенно подводит разговор к нужной теме. Агата, Агата... Я читаю тебя, как раскрытую книгу. Жаль, что я научился этому так поздно».

И жаль, что даже сейчас он не может эту книгу поврать. Не может, и все.

— Я слышала, ты отправил Яна Стеклодува в Фихтер?

Замечание прозвучало беззаботно, между делом, но Сотрапезник вздрогнул.

«Началось!»

И вновь пригладил бороду.

— Мне потребовались кое-какие книги.

Однако нервный жест прямо указывал, что ученый лжет. Неумело и неловко.

— А как же моя библиотека?

— Нельзя собрать все книги мира.

— Согласна, — кивнула Агата и легко продолжила: — Как ты знаешь, в последнее время на дорогах появилось много Чуди, и я подумала, что глупо отпускать столь ценного помощника без охраны.

— Замечательная мысль, — ровно произнес Безвариат. — Спасибо.

— Но возникло небольшое недоразумение, — с преж-

ней мягкостью продолжила леди Кобрин. — Раздавитель не смог догнать Стеклодува.

— В Фихтер ведут две дороги.

— Поэтому, кроме Раздавителя, я отправила за Стеклодувом Улле Изморозь. — Агата внимательно посмотрела на ученого. — Который тоже никого не нашел.

— Я приказал Яну быть осторожным, — улыбнулся Сотрапезник. — Как ты правильно заметила, в лесах полно Чуди...

— Что происходит? — неожиданно резко спросила леди. Дружеский разговор закончился, сейчас перед ученым стояла раздраженная владельница, требующая прямого и внятного ответа. — Какую игру ты затеял?

— Совсем наоборот, — вздохнул Безвариат. — Со всем наоборот, Агата, я прекращаю игры.

Он медленно прошелся по кабинету, с рассеянной улыбкой оглядывая стоящие на полках книги, и вернулся к распахнутому окну, из которого открывался поразительный вид на заключенный в тюрьму берегов океан.

— Я считаю, что мы зашли слишком далеко.

— Ты считаешь? — саркастически поинтересовалась леди Кобрин.

— Да, — твердо ответил ученый. — Наш замысел чудовищен.

— Мы принесем мир всем людям!

— Но какой ценой?

— Приемлемой.

— Чудовищной.

«Что ты знаешь о чудовищах?»

Агата поняла, что случилось самое страшное: трещину дали убеждения ученого, его взгляды, а как справиться с этой напастью, леди Кобрин пока не представляла. Сотрапезника, случалось, посещали приступы сомнений, неуверенности в собственных силах, паники... Как все великие, он был натурой тонкой, рани-

мой, но при этом — как все великие, — умел добиваться поставленной цели. Поскольку верил, что идет правильной дорогой. А сейчас эта вера пропала.

— Мне доложили, что Праймашина заблокирована, — жестко произнесла Агата.

— Я внес кое-какие изменения, препятствующие ее работе, — подтвердил ученый и пояснил: — Мне нужно было подумать. И поговорить с тобой.

— О наших планах?

— Именно.

— Я не отступлю.

Сотрапезник кивнул.

— Спасибо за честный ответ.

— Спасибо, что позволил ответить. — Леди Кобрин вновь сменила тон, теперь ее голос звучал необычайно проникновенно. — Безвариат, что происходит? Почему ты...

— Разочаровался?

— Засомневался.

— Разочаровался, Агата, именно разочаровался. — Ученый помолчал. — Мы идем не туда. Мы перевернем мир...

— Разве не это было нашей целью?

— ...и ввергнем его в хаос. — Безвариат «не услышал» замечания леди. — Они будут защищаться, что приведет к страшному кровопролитию. Мы не продумали всех последствий.

— Продумали! И наш путь — правильный!

— Они тоже люди!

— Были ими!

— И хотят оставаться!

— Герои — угроза для всех!

— Наш план не оставит им выбора! Только война!

— А чем они занимаются сейчас?! — Затянувшийся спор наконец-то вывел Агату из себя и заставил выплеснуть на Безвариата накопившееся раздражение: — Они не знают ничего, кроме войны! Их готовят к вой-

не! Их обучают убивать без раздумий, без сожалений, просто убивать, пользуясь своей чудовищной силой! И когда Героев станет достаточно много, их спустят с цепи, и мирные земли вспыхнут! Кровь и смерть — вот что несут Герои нашим землям! Всем землям!

— Война вспыхнет в любом случае!

— Мы можем ее предотвратить!

— Не можем!

Леди Кобрин сделала шаг вперед.

— Что ты изменил в Праймашине?

Ярость вырвалась наружу, и в глазах ученого мелькнул испуг. Впервые в жизни Безвариат видел кобрийскую владительницу в таком состоянии.

— Агата, остановись!

— Отвечай!

— Давай еще раз все обсудим.

— Ты меня предал.

— Нет... — Сотрапезник хотел продолжить, но дверь распахнулась и в кабинет шагнул Том Исподлобья — любимый чистильщик леди Кобрин, жилистый Герой, вооруженный причудливо изогнутым оружием, сочетанием меча и острой бритвы. Это был плохой знак, очень плохой, и заготовленные слова растворились в приступе страха. — Агата, пожалуйста, остановись.

Но овладевший ученым ужас лишь подстегнул владительницу.

— Тебе придется ответить на мой вопрос.

— Мы всегда обсуждали важные решения.

— Именно поэтому я рассердилась, узнав, что ты без всяких обсуждений сломал Праймашину. Ты меня предал.

— Я хотел привлечь твоё внимание.

— Тебе удалось. Том!

Исподлобья уже достиг центра комнаты, и теперь их с Безвариатом разделяло всего пять или шесть шагов — сущая мелочь для настоящего Героя.

— Агата, опомнись!

- Ты еще можешь все исправить.
- Убери убийцу!
- Говори правду!
- Нет!

Том бросился вперед. Стремительно, как это умеют лишь Герои, но все равно опоздал, потому что Сотрапезника отделял от смерти даже не шаг — движение.

Едва Исподлобья рванулся к нему, ученый подался назад, в распахнутое окно. К океану, что мерно гудел далеко внизу. К волнам, бьющимся о черные рифы. К единственному выходу из тюрьмы, который он смог отыскать.

- Нет!

Агате показалось, что Исподлобья успеет, что схватит падающего ученого за мантию и втащит внутрь, в безопасность кабинета. В какое-то мгновение Агата верила, что ничего не потеряно. В какой-то миг Агата встретила глазами с человеком, который ее любил.

А потом поняла, что Герой не успел, и старый ученый летит вниз, на скалы, навсегда уходя из ее жизни.

Часть I

ГРИДВАЛЬД

Если выехать из Нео-Лафорта, столицы Доктской империи, через наиглавнейшие Имперские ворота и направиться по одноименному тракту на юго-восток, то примерно через две недели неспешного пути можно достичь границ безжизненной зоны, которая стала много лет назад эпицентром всемирной катастрофы. Старики рассказывали, что серые ныне земли были некогда цветущим садом, что леса зоны были густыми, а водились в них обычные звери, а не кошмарная, жаждущая крови Чудь. А еще старики говорили, что в самом центре зоны прячется прежняя столица мира, великий город, построенный великим императором, и что столица та не разрушена и скрывает необыкновенные тайны, способные возвысить любого, кто до них доберется. Но так это или нет, никто в точности не знал, ибо люди предпочитали обходить серую пустыню стороной. Путники сворачивали с Имперского тракта задолго до границы угрюмых территорий, и шли на запад, в богатые рудой горные области империи Доктов. Или же отправлялись на юг, углубляясь в бескрайние чащобы Идмарской Пуши, лордов которой столичные снобы презрительно именовали лесовиками.

За глаза, естественно, именовали, поскольку бросать открытый вызов бойцам, привыкшим постоянно сражаться с беспощадной Чудью, эти хлыщи не решались.

Густо поросшая лесом, усеянная бесчисленными озерами и мелкими речушками, Идмарская Пуща была

поделена более чем на двадцать владений, похожих одно на другое как кристаллы прайма. Дома и замки тут строили из плохого, ноздреватого камня, быстро обрастающего зеленым мхом, поля возделывали без желания, предпочитая кормиться лесом, а торговали в основном мехами. Из развлечений: пиры, охота, да истребление Чуди — даже любимые доктами научные конференции и выставки достижений здесь не проводились — кто бы на них съезжался? Раз в месяц объявлялся имперский глашатай: сообщал на главной площади последние указы, приватно пересказывал сплетни, напивался, после чего отправлялся в следующий медвежий угол. Раз в шесть месяцев являлись имперские мытари: трясли налоги, приватно пересказывали сплетни, напивались, после чего отправлялись в следующий медвежий угол. Раз в год прибывала Передвижная Ученая Комиссия, отбирающая одаренных недорослей в столичные школы... Следует ли упомянуть, что отработав положенное, члены высокой Комиссии приступали к приватному пересказу сплетен, после чего напивались и отправлялись в следующий медвежий угол? Не стоит — и так понятно.

Другими словами, идмарские владения были самыми провинциальными из всех провинций империи, однако расположенная посреди Пущи Гридия, резко отличалась от соседей как размерами, так и богатством. В ее главном и единственном городе, незамысловато названном Гридвальдом, сходились четыре основные дороги, полноводная Клейка добавляла еще два направления, что и делало столицу Гридии удобной для купцов и прохожих. Кроме того первые гридийские лорды не поленились выстроить свой город из твердого серого камня, надежно защитили его по всем имперским канонам, зорко следили за порядком, и теперь их потомки получали неплохой доход и от торговли, и от сборов с путешественников. В Гридвальд везли товары со всей Пущи, сюда приходили купцы за мехами и ле-

сом, дважды в год здесь устраивались большие ярмарки, но и между ними жизнь не затихала. Лавки, трактиры и постоянные дворы работали постоянно, и пусть по имперским меркам Гридвальд считался городом небольшим, равных ему в Идмарской Пуше не было.

Но за все в этой жизни приходится платить. Обретя положение относительно большого торгового центра, Гридвальд перестал походить на сонные идмарские городки, в которых едва теплится жизнь, и каждый знает всех остальных горожан с детства. Где процветает торговля, там всегда появляются большие деньги, а где есть деньги, туда устремляются жадные до них люди. Честные, не очень честные и настоящие бандиты...

— Стой!

— Я свой!

— Иоганн?

— А кто же?

— Не узнал.

С одной стороны, в темноте — немудрено. В этой части Гридвальда фонари современные, много света дающие, в целях экономии прайма, не ставили, а за старыми, которые со свечками, никто не следил. Темнень стояла, хоть глаз выколи, но на бегу стражники грохотали так, то не опознать сослуживца было решительно невозможно.

— Видел его?

— Да.

— Куда рванул?

— К реке! До Клейки добраться хочет! Через Соколиное Поле пройдет...

— Не пройдет!

— Мимо нас двоих — запросто.

— Все в порядке, Иоганн, тревогу уже объявили, скоро здесь все оцепят.

Голоса удалялись, и Ян Стеклодуд рискнул выгля-

нуть из убежища, в котором успел схорониться в самый последний момент.

«Уходят?»

Да, уходят. Не заметили.

Стеклодув глубоко вздохнул и осторожно выбрался из сломанной бочки, превращенной местными обитателями в большое помойное ведро. Вонь из бочки поднималась невыносимая, и видимо, поэтому стражники побрезговали осмотреть ее содержимое.

«Значит, к воде вы меня не пустите, да? Плохо, очень-очень плохо... Но посмотрим, как вам это удастся...»

Уйти из ставшего неприветливым Гридвальда по реке было единственной для Стеклодува возможностью спастись. Каменные стены высоки, все ворота заперты, стражники, хоть и допустили кучу ошибок, вскоре опомнятся. Не сами, конечно, а при помощи: примчатся злые, невыспавшиеся офицеры, раздадут пару-тройку затрещин и заставят искать беглеца по-настоящему. Как положено. Но совсем плохо станет, когда придут Герои. А они обязательно придут. И, к сожалению, не только местные оболтусы, привыкшие по лесам бродить в поисках Чуди, а настоящие, натасканные на людей волки, воспитанные жестокой леди Кобрин. Впрочем, и на волков можно найти управу, было бы желание. Остробой заряжен, на выстрел, а то и на два прайма хватит, так что сдаваться кобрийцам без боя Стеклодув не собирался.

«Надо добраться до лодки!»

До маленькой посуды, которую он купил вчера и припрятал рядом с доками. По воде, в темноте, вдоль берега, хоронясь за камышами и зелеными оградами ив, он уйдет. Как пить дать уйдет. Только бы к берегу выйти...

Ян скривился, поправил наспех наложенную на руку повязку — один из стражников все-таки достал его арбалетным болтом, и осторожно двинулся по темному переулку Соколиного Поля вниз, к реке.

— Почему фонари не горят?

Что, Чудь вас всех забодай, за бардак? Городишко-то не бедный, в отличие от всего идмарского захолустья, из нормального камня строенный. Вдоль мощеных улиц столбы с прайм-фонарями понатыканы, а толку от них, как от дохлого осла.

— Высочайший указ лорда Датоса.

— Какой еще указ?

— В целях экономии средств...

Провинциалы берегут дорогуший прайм. Замок и главную площадь осветили, а окраины не стали. Ладно, с этим понятно, но обычные фонари почему не горят, а? Дикари проклятые!

Лашар сжал кулаки.

— Дальше можешь не продолжать.

— К тому же это последняя улица с фонарями, в Соколином Поле их вообще нет...

— Я же сказал: заткнись!

— Как скажете.

Факелы, что держали в руках стражники, хорошо освещали лицо гридийского офицера, а потому он сдержал довольную ухмылку: что, скотина, съел? У нас тут свои порядки, и они нам нравятся. Так что неча нос задирать...

Но улыбку офицер сдержал, потому как ругаться с Маркусом Лашаром по-настоящему ему не хотелось. Уж больно жестким был взгляд кобрийца, и весьма внушительными выглядели стоящие за его спиной Герои.

— Я токма объяснить хотел.

— У тебя получилось.

— Вот и пожалуйста.

Будь его воля, гридиец ни за что не стал бы помогать кобрийцам в поимке опасного преступника. Вам надо? Сами ловите, зазнайки, неча людей отвлекать. Но лорд Датос распорядился иначе, и вместо теплой постели,

офицеру приходилось топтаться на холодной улице в компании чванливого кобрийца.

— Где последний раз видели беглеца? — угрюмо поинтересовался Маркус.

— У трактира «Дымный очаг», — с готовностью сообщил гридиец. — А опосля он в Соколиное Поле порскнул, там есть, где спрятаться.

— А мы где?

— У трактира «Хитрый Каспер».

— Карта Гридвальда есть?

— Две!

— Где? — спросил Лашар, предчувствуя подвох.

— Одна в замке лорда Датоса, и вторая тоже.

Кобриец скрипнул зубами, стоящие за ним Герои недовольно заворчали, воевода Раздаватель негромко пробасил что-то насчет саботажа, но у офицера было железное объяснение:

— Согласно указу лорда Датоса, в целях экономии средств.

Правильно, чего карты зря трепать, если каждый стражник знает Гридвальд, как свои пять пальцев? А что чужаки в нем путаются, так это их проблемы: неча по чужим городам шастать.

— Да, да, я помню насчет экономии.

Происходящее казалось Лашару дурным сном. Ночь, неосвещенный город с десятками, если не сотнями, кривых улочек, переулков, переулочков и тупичков, и среди этого бедлама — он, Маркус Лашар, одинокий, словно обелиск Величия на столичной площади Всего Хорошего. Стеклодув, мерзавец, знал, куда забраться: искать беглеца в местном лабиринте можно лишь с опытными охотниками, а не бестолковыми пентюхами, разомлевшими от сонной гридийской жизни. Но искать надо, и быстро искать, чтобы не пришлось потом снова прочесывать проклятую Пушу.

— Как вы вообще тут живете? — скривился Лашар.

— Экономно, — немедленно ответил офицер. — Согласно указу лорда Датоса.

Маркус прекрасно понимал, что вшивый гридиец над ним смеется, что лишь прикидывается недалеким деревенским дурачком, но наказать мерзавца не мог — сейчас ему отчаянно требовалась помощь тех, кто досконально знал городишко, который следовало бы называть помойкой.

— А преступления у вас случаются.

— Не без этого.

— И как вы с ними справляетесь? Экономно?

— Быстро, Лашар, быстро.

В тоне офицера мелькнуло превосходство, заставившее Маркуса недоуменно поинтересоваться:

— Каким же образом?

— С помощью Искательной телеги.

— Ого!

А вот этого Лашар не ожидал. Искательная телега? Здесь?! В этом глухом, как тетерев, городишке?

— У вас есть Искательная телега?

— Вот она, кстати. — Офицер ткнул пальцем в появившийся на улице фургон, и с законной гордостью добавил: — На прошлой неделе у Василевса Мельника корова племенная пропала, так мы ее за два часа привели.

— По следам?

— По навозу. Навоз в Искательную телегу загрузили и мигом отыскали.

— Молодцы.

— А лорд Датос других не держит, — с гордостью ответил не уловивший сарказма гридиец.

Тем временем два тяжеловоза неспешно подкатили Искательную телегу к собеседникам, задняя дверца фургона распахнулась, и из нее выглянул бородатый стражник, исполняющий роль администратора поиска.

— Приступить можно?

От бородача пахло чесноком и соленым огурцом, которыми он, судя по всему, перебивал сивушный дух.

«Чтоб вас всех Чудь забодала!»

Маркус дернул плечом.

— Давно можно.

Однако проклятый гридиец не обратил на Лашара никакого внимания, он преданно смотрел на офицера.

— Можно?

— Приступайте, — последовал важный ответ.

— Слушаюсь! — рявкнул бородачий.

Затем он исчез в фургоне, не забыв захлопнуть за собой дверь, через пару секунд послышалось гудение машины, и из раскрывшейся крыши медленно выросли указательные лепестки. Установленные на тонкой металлической ножке, они напоминали поникший серый цветок, который через некоторое время оживет, дабы указать охотникам на дичь.

«Ну, хоть что-то, — вздохнул про себя Лашар. — Может, и получится».

Искательные телеги производились исключительно столичными мастерами, стоили дорого, потребляли изрядно прайма, обслуживались только подготовленными людьми, но позволяли находить любого наследившего человека в радиусе пяти километров. В приемную лопатку сложного механизма помещался «след»: кусочек кожи, волосы, кровь, слюна, экскременты, в общем, любая частица искомого человека, тщательно там изучался — здесь-то и расходовался драгоценный прайм, — после чего указательные лепестки поднимались в нужном направлении. Времени исследование требовало мало, минут пять, не больше, а потому, когда дело затянулось, Маркус не выдержал и врезал кулаком по стенке фургона:

— Скоро, что ли? Сколько можно?

— Здравия желаю!

— Что?

И лишь через мгновение Лашар догадался, что по-

приветствовал вытянувшийся в струнку офицер совсем не его. Обернулся и поморщился: из кабака «Хитрый Каспер» медленно вышел худощавый юноша в дорогом бордовом камзоле. Довольно высокий, стройный, он был обладателем пышной черной шевелюры и коротенькой бородки, над формой которой изрядно потрудились провинциальные цирюльники. Глаза у молодого человека были карими, нос тонкий, прямой, а подбородок слишком узкий, чтобы его можно было назвать волевым. Возможно, бородка и была призвана скрыть этот легкий недостаток. За спиной юноши маячила огненная лиса — высокая рыжая Героиня, исполняющая обязанности телохранителя. Выглядела великолепно сложенная девушка потрясающе, однако на кобрийцев смотрела жестко, если не сказать — враждебно.

«Наследничка принесло, чтоб ему пусто было!»

Маркус не раз и не два общался с нахальными отпрысками провинциальных лордов, и прекрасно знал их дурную привычку лезть в любые дела, которые покажутся им интересными. Окажись юноша трезвым, у Лашара был бы шанс уговорить его не мешать, но, судя по блудливой улыбке и не очень уверенным жестам, в кабак щенок сходил не зря. Кроме того, помимо аромата хорошего вина, Маркус уловил запах плохих духов, которыми любили обливать себя идмарские проститутки, и это обстоятельство вызвало у кобрийца очередной приступ безразличия.

— Что происходит? — Юноша икнул и удивленно воззрился на Искательную телегу. — Что пропало?

«Начинается, чтоб тебя Чудь забодала!»

— Опасного преступника ловим, господин Карлос.

— О котором я рассказывал вашему достопочтительному отцу, — склонился в поклоне Лашар.

Его Герои без особой охоты последовали примеру предводителя.

— Ах, это ты... — Молодой лорд бросил на кобрийца

мимолетный взгляд и вновь повернулся к офицеру. — Что сделано?

— Подступы к реке перекрыты, господин Карлос. Охрана на стенах усилена. Сейчас определим, в какой части Соколиного Поля скрывается преступник, и начнем прочесывание.

Бодрый доклад вверг гридийского наследника в игривое настроение. Он хихикнул, снова икнул, снова хихикнул, вытер тыльной стороной ладони губы, пнул колесо Телеги и осведомился:

— Как ищите? По навозу?

Надо полагать, история с коровой Мельника надеялась в провинциальном Гридвальде много шума.

— По крови, господин Карлос. Нам удалось подранить мерзавца.

Лашар не мог не отметить, что в присутствии наследника офицер разительно изменился: отвечал четко, ясно и только по делу. И говорок его провинциальный куда-то делся.

— А что, преступник действительно опасен?

— Ранил двоих стражников.

Глаза щенка вспыхнули.

— Убийца? Как интересно!

Похоже, мальчишка решил добавить к ночным приключениям поиск опасного преступника. То ли ретивое выиграло, то ли вино покоя не дает. Лашар простонал про себя ругательство и попробовал спасти положение:

— Преступник очень опасен, господин Карлос, — быстро произнес Маркус. — Он жесток и очень хорошо вооружен. Я не думаю, что вы должны подвергать свою жизнь риску.

— Разве я спрашивал, о чем ты там думал? — нагло поинтересовался юноша. — Я вообще не уверен, что ты умеешь это делать.

Офицер хохотнул. Лашар в очередной раз сжал кулаки, а щенок повернулся к спутнице:

— Шахмана, ты не против поохотиться?

Огненная лиса усмехнулась.

— Не откажусь.

Ей тоже не нравились кобрийцы.

— Вот и здорово! — Помощник трактирщика подвел двух жеребцов, и Карлос с неожиданной для Маркуса ловкостью взлетел в седло. Вновь икнул и поинтересовался: — Собачек не вижу. Они, где?

— К сожалению, господин Карлос, собак привести не успели, — повинился офицер.

— Ну и ладно, — махнул рукой наследник. — Что показала Телега?

— Беглец скрывается к западу от нас.

— Мы с Шахманой отправимся по прямой, ты со стражниками зайдешь с севера, а ты, Лашар, — с юга.

— Это опасно, господин Карлос...

Маркус в последний раз попытался остановить щенка, и в очередной раз не был услышан.

— Исполнять! — Молодой лорд вытащил из седельных ножен длинный кинжал и посмотрел на спутницу: — Повеселимся?

— Разумеется!

Голосов не слышно, топота сапог не слышно и лязга доспехов тоже, но это ничего не значит — стражники вокруг. Просто проснулись офицеры и заставили неумех действовать грамотно. Петля сжимается, никаких сомнений, и каждая секунда, проведенная в темных переулках Гридвальда, приближает его к смерти. Или к кобрийскому плену, что тоже означает смерть, но после долгих пыток, во время которых он выдаст все, что знает. Обязательно выдаст: пытать кобрийцы умеют так же хорошо, как воевать.

«Оставьте меня, гридийцы, это не ваша война. Она еще не стала вашей. И не станет, если вы меня отпустите... Отпустите меня, пожалуйста...»

Ян должен был мыслить холодно, должен был вести

себя собранно и предельно осторожно, но... Но он не был воином. Никогда не был. Он держался, сколько мог, однако переживания последних часов все-таки сломили Стеклодува, и теперь, пробираясь к спасительной реке, Ян мог только одно — шептать бессмысленную мольбу:

«Я ведь не враг вам, гридийцы, я обычный человек. Меня назвали преступником, но те, кто это сделал, в тысячу раз хуже меня. Почему вы им верите, гридийцы? Почему не хотите отпустить меня...»

— Стоять!

Они столкнулись на углу. Бесшумно подкрались с разных сторон, выглянули и одновременно увидели друг друга. Плечистый стражник с обнаженным мечом, и тщедушный Стеклодув, нервно сжимающий остробой. В честном бою у Яна не было бы и шанса, но гридиец ошибся. Стражник привык к послушанию, к тому, что люди выполняют его приказы, а еще — не привык убивать просто так. Стражника учили ловить преступников, вот он и крикнул:

— Стоять!

И ошибся, потому что перепуганный Стеклодув неловко ткнул его остробоем. И отскочил назад, в ужасе глядя на захрипевшего человека.

Острый клинок вошел стражнику в бок, туда, где находились завязки кирасы, вошел глубоко, а когда вышел — на грязные камни мостовой хлынула горячая кровь.

— Я не хотел!

Хрип. Человек падает на колени, а потом, ничком, на землю. Конец.

— Что я наделал?!

Конец.

И Ян понял, что вот теперь, в эту самую секунду, они с гридийцами стали смертельными врагами. Теперь между ними кровь, и обратной дороги нет. Теперь это их война.

— Я ведь не хотел...

Первое в жизни убийство, ужас, сжимающаяся петля, беспощадные гридийцы, Герои... Все смешалось в голове Стеклодува, смешалось и разорвалось прайм-бомбой, рассеяв последние остатки самообладания. Он не слышал приближающийся цокот копыт, перестал разбирать дорогу и таиться, он видел лишь безнадежность своего положения.

— Я не хотел! — Размазывая по лицу слезы и чужую кровь, Стеклодув бросился к реке. — Я не хотел!

— Ты слышала?

— Крик!

— Туда!

Карлос дает шпоры, и жеребец послушно несет его к переулку.

— Тело!

— Он мертв! — Шахмана уже на земле и прикасается пальцами к шее стражника. — Меньше минуты!

Шахмана Егоза Героиня опытная, во всем, что касается смерти, не ошибается.

— Урод совсем рядом!

— Да!

Карлос нервно озирается, пытаясь отыскать взглядом преступника, и чувствует, как охотничий азарт сменяется злостью.

«Из-за какого-то простолюдина?»

Нет. Потому что простолюдин не «какой-то», а гридиец! Будущий его подданный! Один из тех, за кого он, став лордом, будет нести ответственность.

Злость требует выхода.

— Куда он побежал?

— Не могу разобрать, — бормочет склонившаяся над мостовой Егоза. — Скорее всего...

— Свет!

— Есть!

Огненная лиса взмахивает рукой, и метрах в трех над ее головой возникает облачко веселых искр.

— Видишь следы?

— Я...

Закончить Шахмана не успеваает — грохочет выстрел.

Прайм-выстрел, который ни с чем не спутаешь. Молния чистой энергии вонзается в Егозу, испепеляя ее на месте.

— Нет!

Две потери за пару минут — это слишком. Разъяренный Карлос не думает, о том что у преступника может оказаться еще какое-нибудь прайм-оружие, например, бомба. Он позабыл предупреждения и даже о себе — позабыл. Разъяренный Карлос бросается вперед, всей душой мечтая отомстить за своих.

— Убью!!

Стражник мертв, Шахмана мертва, и кое-кто должен заплатить за это.

— Подонок! — Черную тень беглеца Карлос заметил в момент выстрела, и больше не упускает из виду. Пришпоривает жеребца, а когда видит, что преступник сворачивает в узкий переулок, соскакивает на землю, бежит следом и, догнав, делает первый выпад: — Скотина!

— Не надо!

Стеклодуву удастся отбить удар. Клинок у остробоя хороший, из отличного сплава, с прекрасной заточкой, рубить и колоть позволяет, но фехтовать — нет. Для фехтования остробой не подходит категорически. И не важно, что сейчас против него всего лишь кинжал. Остробой оружие сложное, только для Героя подходящее, да и то — для особого Героя.

— Мерзавец!

— Нет!

Второй удар, лезвие чиркает по раненой руке Яна, и кровь, едва-едва успокоившаяся, начинает сочиться из-под повязки.

— Грязная тварь!

Отчаяние придает Стеклодуву сил. Он с криком бросается вперед, надеясь нанести рубящий удар. Или ни на что не надеясь. Просто бросается вперед, понимая, что все кончено.

Карлос легко, как на тренировке, уходит от неуклюжего выпада, и уверенно колет Яна под вздох.

«Все кончено, все...»

— Умри, подонок. — Молодой человек с омерзением смотрит на замершего Стеклодува. — Будь ты проклят, гад.

«Да, я подонок, я убил человека. Я убил двух человек. Пусть я умру, как подонок, но я должен рассказать...»

— Праймашина... — хрипит Ян, выпуская из рук остробой.

Тяжелое оружие со звоном падает на камни.

— Что? — кривится Карлос.

«Пусть он услышит! Пусть он меня услышит!!»

Ян бормочет из последних сил:

— Тайна... Леди Кобрин строит Праймашину... Она все изменит... Весь мир...

«А ведь я ничего о нем не знаю, — проносится в голове Карлоса. — Я не знаю, что он натворил...»

Злость почему-то улетучивается, и молодой лорд видит перед собой не преступника, а умирающего человека. Тщедушного, жалкого, отчаянно пытающегося сказать...

— Праймашина... — повторяет Ян, и падает на землю.

— Молодой господин!

Вокруг становится светло и многолюдно.

Подбегают стражники, десяток, не меньше, и каждый второй держит в руке факел. Появляется Лашар и два его Героя, спрыгивают с лошадей, продираются к телу и молча смотрят на мертвого преступника. Даже Искательная телега пригрохотала, хотя ее никто не ждал. В маленьком переулке собираются едва ли не все

участники поисков. Кобрийцы напряжены. Гридийцы наперебой превозносят молодого лорда, восхищаются его смелостью, почтительно качают головами. Карлос что-то отвечает, усмехается, вытирает кинжал о поданную тряпку, но в его голове снова и снова звучат последние слова преступника:

«Праймашина... Леди Кобрин строит Праймашину...»

* * *

Просыпался Гридвальд засветло, а все потому, что ложился рано.

Люди в этих краях слыли прижимистыми, собственно, не просто слыли — они такими и были. Копеечку лишнюю предпочитали хранить, а не тратить, баловство разное не одобряли, вот и получалось, что знаменитая прижимистость, делала гридийцев зажиточными. В каждом здешнем доме стоял хотя бы один прайм-светильник, а у хозяев трудолюбивых или купцов удачливых — так и во всех помещениях, — вот только включали их изредка. Гридийцы как рассуждали? Мы ить не столица, чай, чтобы веселиться до упаду, так почто прайм тратить? Поработал — отдохни, пока солнце не село, а после — спать, сил набираться перед новым трудовым днем. Ежели чего поделать охота, по молодости лет, то свет только помеха, а человеку взрослому он и вовсе без надобности, не читать же ему, в самом-то деле? Вот и засыпал Гридвальд сразу после заката, а просыпался, соответственно, еще до первых лучей, когда не все звезды в едва посветлевшем небе растворялись. И ворота городские стражники открывали, когда люди из домов выходили, а потому прохожие не удивлялись, встречая в раннюю пору незнакомцев на улице.

И этому тоже не удивились.

Был путник ростом невелик — большинству гридийцев разве что до груди доставал, тщедушен, и от того казался несерьезным. Платье носил чистое, но про-

стое, дешевое: рубаха с пояском и двумя накладными карманами, льняные штаны да короткие сапоги, потертые и немного грязные. Дополняли картину холщовая сумка через плечо и мятая шапка пильдербанского фасону. С перышком. Единственной примечательной чертой незнакомца было полное отсутствие волос: шишковатая голова его, напоминающая плохо выточенный шар, не знала ни шевелюры, ни бровей, не говоря уж об усах или бороде, а потому гридийцы, к мужской растительности с уважением относящиеся, провожали незнакомца ироничными взглядами.

На которые путник не обращал внимания.

Спокойный и деловитый, четко знающий, куда идти, он через площадь Шестереней дошагал до улицы Стучальщиков, которую облюбовали гридвальдские кузнецы да механики, оглядел открывшиеся лавки и, сняв шапку, подошел к хозяину ближайшей, внешне богатой, на обновленной вывеске которой значилось горделивое: «Ганс Подкова. Починяю все, что починяется».

— Доброго утречка.

Фраза прозвучала вежливо, но без подобострастия, свойственного неуверенным в себе людям. Не проситель, мол, прибыл, а человек деловой, понимающий, однако на богатырского вида Ганса, позевывающего под открытым навесом, тон путника не произвел впечатления.

— Кто таков? — осведомился кузнец, с подозрением разглядывая пыльные сапоги визитера.

— Позвольте представиться. — Путник с достоинством расправил узкие плечи. — Акакий Бенефит, действительный член Дальнесопской академии кузнечно-механических наук, изобретатель первого ранга и ученый. Еще.

— Мошенник, значит, — безразлично определил Подкова.

— Не мошенник, а странствующий инженер, — по-

правил кузнеца незнакомец. — Подвижник распространения ученых знаний...

— Бродяга?

— Квалифицированный праймолог третьего уровня с наградами. — Путник сделал вид, что обиделся. — Имею поощрительные дипломы шести имперских университетов четырех провинций, два из которых — с отличием.

— Путное чего принес? — Подкове надоела пустая болтовня, и он взял быка за рога. — Что продаешь?

— Знания.

— Гы! — Кузнец добродушно рассмеялся. — Этого добра у меня и без тебя хватает. Как что делать разбираюсь получше многих.

— Не сомневаюсь.

— Тогда проваливай.

Но предложение Бенефита не смутило.

— Едва оказавшись в вашем славном городе, — вкрадчиво произнес Акакий, не дожидаясь, пока его пошлют повторно, — увидел я, что механики и кузнецы с большим трудом производят отверстия нужного диаметра. А ведь о пользе правильно расположенных дырок и дырочек написан целый ряд высоконаучных трактатов, которые я, будучи прилежным студентом...

— Короче!

— Могу предложить вашему вниманию ценнейшую и весьма важную, никому в Гридии неизвестную информацию о знаменитом дыркователе Шпристера, — провозгласил Бенефит.

— О чем?

Поскольку в голосе кузнеца не появилось враждебности, Акакий понял, что рыба заинтересовалась наживкой, и молниеносно перешел в наступление: сделал шаг вперед, приковав к себе взгляд Ганса, и слегка ускорил речь. Но именно слегка, не настолько, чтобы она стала невнятной:

— Дыркователь Шпристера — новейший, самый зна-

менитый в империи механизм для производства дырок и необходимых отверстий где угодно и когда угодно. Дырки можно производить без усилий и в любых количествах, при минимальном расходе прайма. Полученные отверстия оказываются идеально круглыми, а еще, обратите внимание — я не шучу! — их можно проделывать под углом!

— Да, ну?

— Клянусь поощрительными грамотами.

— И в металле?

— И в дереве, и в металле, до пяти сантиметров толщиной.

— Любые отверстия?

— Гарантия Шпристера.

— А кто он?

— В столице слава Рудика Шпристера давно превзошла славу самого Сотрапезника.

Об этом ученом гридиец, судя по всему, слышал. Он почесал бороду, пожевал губами, с сомнением изучая лысую голову «подвижника знаний», после чего осведомился:

— Не врешь?

— Вам нужно делать дырки или нет?

— Э-э... — Кузнец задумался.

Дырки-то делать нужно, какое же хозяйство без дырок? Но бродячие ученые «за спасибо» не работают.

— Сколько?

— Всего лишь три десятка серебром.

— Даже не думай! — возмутился Ганс. — Один!

— За десять серебряных я могу поделиться неисключительными знаниями о замечательном дыркователе, — с прежней вкрадчивостью продолжил Акакий, — а за тридцать — эксклюзивными знаниями.

— Чем?

Пришлось разъяснять.

— Я дам слово, что не расскажу об изобретении магистра Шпристера вашим уважаемым конкурентам.

— Да какие они мне конкуренты? — хохотнул Подкова. — Ты вывеску видел? Я починаю все, что починается, понял? Я — лучший.

Но по глазам было видно, что кузнец уже подсчитывает прибыли от монопольного владения удивительным механизмом.

— Помимо подробных чертежей дыркователя, которые я выполняю собственноручно, в комплект поставки входит создание опытного образца, — усилил предложение Акакий.

— В твоём присутствии?

— Мною лично.

Это решило дело:

— Двадцать серебряных .

На большее естество прижимистого гридийца не соглашалось.

— И обед.

— Согласен.

Кузнец оглядел улицу — потенциальных клиентов не наблюдалось, и жестом пригласил шустрого гостя в «тонкую» кузню — примыкающий к лавке сарай, в котором станки и верстаки соседствовали со всевозможными запчастями для разнообразных механизмов.

— Сразу говорю, праймолог, свободного железа у меня немного, и прайма чуть. Так что если дыркователь слишком сложен...

— Дыркователь Шпристера строится на базе универсального станка Миллера. — Заключив сделку, Бенедикт почувствовал себя гораздо свободнее. Он сбросил с себя маску бродячего торговца, и в его тоне появились покровительственные нотки. — У тебя, братец, есть универсальный станок?

— Разумеется. — Кузнец подвел гостя к нужной машине.

— А сверла?

— И сверла тоже.

— Тогда... — Акакий внимательно оглядел висящие

на стенах шестерни, заглянул в шкаф, порывлся в ящиках, подбирая нужные детали, после чего распорядился: — Снимай кожух!

— Э-э... — Подкова помялся. — А станок не сломаем?

— Дыркователь Шпристера представляет собой сложное, но съемное устройство, которое ты сможешь насаживать... — Бенефит лихо собрал зубчатую передачу, после чего вернулся к теме: — Насаживать, когда захочешь. В общем, все, как в жизни. Дай-ка мне, братец, ключ на четырнадцать. И... — Он оглядел сарай. — И вон ту станину дай, к ней будем цепляться.

— Ловко работаешь, — с уважением произнес кузнец, протягивая Бенефиту инструмент. — Наши, гридийские, значит, ученые больше в теории сильны, вроде, как сделать, знают, а как по-настоящему сделать надо, так их нету. Руки не к тому месту привинчены.

— Значит, ученые ваши, в другом сильны, — пробормотал Акакий, ловко разбирая станок Миллера на составляющие. — Выдумывать горазды, или еще чего.

— Болтать они горазды, — махнул рукой Подкова. — Я, признаться, поначалу тебя тоже за такого принял, за теоретика, значит. Ну и за прохиндея, само собой. У нас прохиндеи часто шлындают, город ить большой, самый в Пуще знатный... А ты ничего, работать умеешь.

— Учили хорошо, — процедил Акакий, аккуратно присоединяя к передаче прайм-воротилку.

— Чего тогда к лорду какому не прибился? Сидел бы в теплом замке, жалование получал да умные советы простым работягам раздавал.

— Путешествовать люблю.

— А-а... — Кузнец догадался, что Бенефит не хочет вдаваться в подробности, помолчал, и негромко осведомился: — Бьют часто?

— Случается, — равнодушно отозвался ученый.

— И все равно путешествуешь?

— А кто тебе тогда дыркователь Шпристера показал

бы, а? Теоретики твои? — Акакий оглядел разобранный механизм, вытер ветошью руки и предложил: — Перекурим?

— Давай.

— Табаком угостишь?

— Для хорошего человека не жалко.

Вот так и завязываются отношения: покажи, что трудиться любишь, что голову не для шапки носишь, и любой приличный человек сразу назовет тебя хорошим. Потому как болтунов полно, а людей работающих — поискать. А если человек к работе годен, то плохим он быть не может.

Мужчины вышли из «тонкой» кузни, присели на лавочку и раскурили трубки.

— Ты сам-то откуда, Акакий?

— Из Базитура.

— И как там?

— Не знаю. Пять лет дома не был.

— А идешь откуда?

— Из Виндера. Жил там неделю, пока не надоело.

— У нас задержишься?

— Честно говоря, не собирался, — медленно ответил Бенефит, наблюдая за проезжающим по улице фургоном, на холщовом боку которого красовалась крупная надпись «Прими Прайм!» — свободный вербовщик отправился на дневную охоту. — В столицу хочу податься. Или в Фихтер. Не решил еще.

— Один ходишь?

— Ага.

— Не боязно?

Шалящая на дорогах Чудь даже у самых смелых купцов отбивала охоту путешествовать в одиночку. В столицу тебе надо, иль в соседний город — не важно, Чудь — не разбойники, с которыми можно справиться, она возвращается снова и снова, потому что все ее желания — кровь, а страха смерти эти создания не ведали. Местные, которые приметы нужные знали, да каждое

дерево в Пуше, те еще рисковали до хуторов своих самостоятельно добираться, тропками незаметными в обход опасных мест. А вот на дорогах было опасно, несмотря на все усилия Героев.

— Когда компания есть, с ней иду. Купцы давно проходили?

— Дней через пять караван будет, раньше никак.

— Может, подожду... — Акакий пососал трубку. — Хороший у вас город?

— Для хорошего человека любой город хороший, а так... — Кузнец пожал плечами. — Лорд Датос, да продлятся его годы как можно дольше, владелец приличный, просто так не обижает. Строгий, но справедливый. Налоги берет разумные, не душит. Порядок поддерживает, но ведь без порядка никуда.

— Это верно.

И мужчины, не сговариваясь, посмотрели на стены и высокие башни замка, хорошо видные из-за приземистых гридвальдских крыш.

— И сын лорда, Карлос, тоже хороший, — подумав, продолжил Ганс. — Пока, во всяком случае, хороший. Гуляет, конечно, но в вопросы вникает. Академию Лордов окончил в самой столице. И смелый тоже. Ко мне утром стражник знакомый приходил, рассказал, что господин Карлос этой ночью опаснейшего преступника самолично истребил.

— Самолично? — недоверчиво прищурился Акакий. — Ужель стражников у лорда Датоса мало?

— Злодей в городе объявился страшный, — важно ответил кузнец, явно копируя интонации болтливого приятеля. — Людей бил, подлец, стражника одного аж до смерти, а еще двоих поранил. И даже Героиню убил, которая с господином Карлосом на поиски отправилась. Шахману Егозу, ее тут все знают.

— Да ты что?!

— Как есть говорю. А господин Карлос злодея этого в честном бою одолел. Одним кинжалом взял.

— Хороший парень растет, — задумчиво произнес Бенефит. — Герой не справился, а он смог.

— Вот и я говорю: старому лорду опора и поддержка. Ну и нам, простым людям, надеюсь, не в тягость будет.

Подкова выбил трубку и собрался, было, предложить гостю вернуться к работе, как услышал:

— Я утром Героя видел, только доспех его не понял, — размеренно произнес Акакий, вновь переведя взгляд на замок. — Черный с фиолетовым у него доспех, а у гридийцев, вроде...

— Синий с желтым наш цвет, — гордо ответил кузнец. — А черные эти, с фиолетом которые, они вчерась понаехали. Чуть ли не от моря самого. Кобринцы...

— Кобрийцы.

— Во-во. Слышал?

— Бывал.

— Там правда море есть?

— Еще какое! — Бенефит догадался, что Подкова не очень хорошо понимает размеры моря, и уточнил: — Оно огромное, будто озеро, только в тысячу раз больше.

— Ого. — Кузнец покачал головой, тщательно переваривая грандиозную информацию, после чего продолжил: — Но мне эти кобринцы не понравились вовсе. Заносчивые они какие-то и злые тоже. Едут по улице, а сами зыркают, словно Чудь какая.

— На то они и Герои.

— Не скажи, — не согласился Подкова. — Герои должны быть с пониманием. Вот наши, к примеру, очень даже нормальные ребята. Ставят из себя, конечно, но злобы в них нет, да. А эти...

— Тут от лорда много зависит. Если лорд человек мудрый, то и Герои его спокойные, без злобы, как ты сказал. А если лорд — зверь какой, то и Герои...

— А что, в Кобрии зверь сидит?

— Люди говорят, — уклончиво ответил Бенефит.

— А ты что скажешь?

— А я с леди Кобрин не общался, рылом не вышел. Но кобрийцев, как и ты, не люблю. Давно они приехали?

— Я ведь говорю: вчера еще. За преступником этим самым гнались.

— Ах, вот в чем дело...

— Ага. Так что ты не беспокойся, Акакий, раз они преступника поймали, то и сами уберутся. И сможешь ты спокойно подождать караван. А пожить и у меня можно, если тебе постоянный двор не по карману.

Кузнецу очень хотелось, чтобы толковый бродяга пробыл у него как можно дольше. Глядишь, еще чего расскажет, или на большую скидку в конце концов согласится, деньги ведь на дороге не валяются.

— Можно подумать, — улыбнулся Бенефит. Выбил трубку и предложил: — Пойдем, братец, закончим твой дыркователь.

* * *

«Я что, забыл выключить свет? — Датос, лорд Грид, остановился в дверях, озадаченно осмотрел ярко освещенную комнату, и погладил короткую седую бородку. — А когда я здесь был в последний раз? Пять дней назад? Нет, неделю».

Точно — неделю. Ровно семь дней назад воевода Генрих настолько неудачно повстречал в Дохлом овраге трехглавого змея, что его пришлось воскрешать. Воеводу, разумеется, не трехглавого. За подлой Чудью потом еще охотились, пока не убили, а тогда, семь дней назад...

«Спасибо, старый друг».

«О чем ты, Генрих? Я рад тебя видеть».

Потом они обнялись, как это всегда бывало после воскрешения, и отправились в каминный зал, осушить по кубку терпкого вина.

«И я забыл выключить свет. Старею, Чудь меня разбери, старею...»

Лорд Грид грустно улыбнулся. Подозрения, охватившие его при виде освещенной комнаты, рассеялись. Да и с чего они взялись, эти самые подозрения? Прайм-индуктор находится в самом глубоком подвале замка, в который ведет одна-единственная лестница. Два стражника у верхней двери, два стражника у средней, нижняя, ведущая непосредственно в комнату, не охраняется, но сделана из прочнейшего сплава, а замок на нее ставил наилучший столичный мастер — Изотерм Любой-Ключ. Два замка, если быть точным, да еще с тремя секретами: захочешь — не откроешь. Кто в такую нору проберется? Сюда даже крысам вход заказан, потому как не абы что хранится глубоко под землей, а наиценнейшая для любого лорда вещь — прайм-индуктор. Так что бессмысленны подозрения, бессмысленны по определению. Другое дело — старость... Старость, собака, подкралась.

Датос понимал, что осталось ему немного. Лет пять, может, семь, а потом он превратится в развалину, если чем и крепким, то умом. Если повезет, конечно, сохранить разум в ясности. Но дряхлый лорд не может править, и во главе Гридии встанет Карлос, единственный сын и единственная надежда.

«Пора за парня всерьез браться. А то мало ли что...»

Пора-то пора, да где время взять? Гридия, даром что маленькая, проблем ежедневных столько, что еле успеваешь управиться. Опять же — для себя пожить охота, пока силы есть, вот и получается, что сын до сих пор «на подхвате». Там поможет, тут подсобит, а системы никакой нет. Образование Карлос получил, но вот реального опыта маловато, а без опыта будет сложно.

«Пора, — пообещал себе Датос. — Сегодня же начну».

Он тщательно закрыл за собой дверь, поставил на небольшой столик принесенную с собой металлическую шкатулку, раскрыл ее, надавив на секретную кнопку, выдуманную тем же мастером, что замки де-

лал, и внимательно оглядел лежащие на черном бархате каталисты.

Золотой нагрудный знак в виде двух мечей, скрещенных на фоне солнца, принадлежал Генриху Урагану, воеводе и старому другу. Знак этот император Ферраут вручил всем выжившим в страшной сече у Квадратной горы, не поскупился на золото, потому что выживших осталось всего три десятка, среди которых были и Датос, и еще не ставший Героем Генрих.

«Я все помню, — улыбнулся лорд, прикасаясь пальцами к знаку. — Я стар, но все помню».

Как зашли в тыл адорнийцы, как свистели стрелы, били наотмашь мечи, и как лилась на камни кровь, предвосхищавшая их гибель. И как с Генрихом, который не был тогда ни воеводой, ни Ураганом, они повели остатки рыцарей в последнюю атаку. В пешую, потому что лошадей не осталось. С мечами, потому что копыта давно поломались. В безнадежную...

«Мы тогда победили, Генрих, мы с тобой всегда побеждаем».

Следующий каталист принадлежал Арчибальду Ржавому Усу, молчаливому по жизни и страшному в сече. Как ни странно, это была детская свистулька, коряво слепленная из рыжей глины. Датос вспомнил, как тогда удивился, увидев ее в руках бессмертного, и как порозовел Арчибальд, видя изумление лорда.

«Надеюсь, вы никому не расскажете?»

«Это наша тайна, Ржавый Ус, так что будь спокоен».

Детская свистулька... Датос покачал головой и перевел взгляд на игральную карту, пикового туза, что был каталистом Джейкоба Самострела. Не очень оригинально, зато полностью отражает удалой характер дуэлянта. Держать Самострела в узде было особенно трудно, но дело того стоило — этот Герой заводил команду не хуже воеводы.

— Балабол ты, — пробормотал Датос, обращаясь к Джейкобу, и вытащил из шкатулки четвертый, послед-

ний каталист — простенькую заколку для волос, украшенную ненастоящим бриллиантом.

— Ну что же, девочка, давай тебя разбудим.

И повернулся к стоящему в центре комнаты прайм-индуктору.

И вздохнул, как это всегда бывало перед запуском странного и удивительного механизма.

Самое значимое для лордов устройство, машина, позволяющая воскрешать павших в бою Героев, напоминала верхнюю часть огромного круглого шлема, растущего из могучего каменного основания. Датос прекрасно знал, что прямо под «шлемом» прячутся сложные механизмы, обеспечивающие выполнение необычайно сложной и тонкой работы, но все равно не мог отделаться от мысли, что прайм-индуктор — пустая оболочка, предназначенная лишь для сокрытия чудодейственного акта воскрешения. Сходство со шлемом еще больше усиливалось, когда медленно откидывалось назад «забрало» — в эти мгновения лорду казалось, что он вот-вот увидит огромные глаза и верхнюю часть лица Героя-гиганта, и Датос вздрагивал. Всегда вздрагивал, несмотря на то, что работал с прайм-индуктором уже много лет.

Вздروгнул и сейчас, после чего принялся за дело.

Первый шаг Оживления Героя — работа с катализатором. Датос поместил заколку в Расчетный Ящик и принялся медленно подкручивать верньеры, поочередно подавая в плотно закрытый металлический куб разные смеси прайма. Через пятнадцать секунд внутреннее пространство, видимое через стеклянную крышку, окрасилось красным, восемь секунд понадобилось зеленому, чтобы его сменить, двадцать три секунды боролся за право стать главным насыщенный синий, и, наконец — черный, через одиннадцать секунд. Датос тщательно записал цифры, выключил Ящик и перешел к кафедре, на которой лежала раскрытая книга «Наиполнейшие подробности обращения с прайм-индукто-

ром». Объемистый и совершенно секретный труд Ученого Совета, предназначенный исключительно для лордов, содержал детальные правила работы с прайм-индуктором, но прежде, чем вплотную заняться машиной, предстояло сделать много тонкой работы.

Обращаться с прайм-индуктором мог один человек, на первый взгляд все операции казались необычайно простыми, однако учиться этой «простоте» Датосу пришлось несколько долгих лет.

Снятые с Ящика показания легли в основу расчетов по сложным формулам, результаты которых позволяли оптимальным образом настроить машину. Датосу предстояло вычислить интенсивность и длительность подачи разных смесей прайма, и ни в коем случае не ошибиться — в противном случае из сложного устройства, в десятки раз ускоряющего естественный процесс воскрешения, могла явиться не красавица Героиня, а горбатый уродец с тремя руками и лишним носом — только Индуктор гарантировал, что процесс воскрешения пройдет так, как надо. Дважды лорд путался, шептал: «Проклятая старость...», комкал листы, начинал заново, и лишь на третий раз все прошло, как по маслу.

Покончив с расчетами, Датос переложил катализатор Егозы в центр машины и подошел к панели управления.
— Начнем.

Первый рычаг, за который потянул Датос, запустил саму машину — активизировал скрытый в ее чреве кристалл концентрированного прайма. Послышалось басовитое гудение, воздух в комнате задрожал, закрепленные на стенах фонари панически заморгали, а сквозь щели стал пробиваться яркий свет. Процесс начался.

Несколько лет назад, впервые возвращая к жизни Героя, Датос испытывал благоговейный страх. Ему казалось, что он управляет актом создания, что он достиг величия древних богов и стал равен им. Ведь он не излечивал Героя, а воссоздавал его! Из праха и тлена с помощью всемогущего прайма. Мысль о собственном

величии приятно грела душу, пока не притупилась. А потом лорд понял, что собственных его заслуг в воскрешении Героев нет. Все делал прайм, Индуктор лишь помогал ему, а он, Датос, был жалким придатком. Вычеркни из уравнения Индуктор и самого лорда, прайм все равно вернет Героя. Пусть много медленнее, но вернет. Вот и получалось, что прайм, эта странная, появившаяся после катаклизма субстанция, был во главе всего, а не он, не лорд.

— Но ты все равно воскрешаешь только Героев, — пробормотал Датос, продолжая свой старый, бессмысленный, но важный для него спор с могущественным источником необыкновенного. — Вернуть простого человека ты не в силах.

И вновь — в который уже раз, — поймал себя на мысли, что это единственное, чего прайм не может.

Шаг следующий — подача смеси. Позади Индуктора были установлены четыре бака, наполненные различными составами прайма. Особо точные краны с тремя рукоятками каждый — основная, для «широкой» и «тонкой» подачи, — позволяли лорду запускать внутрь «цветка» ровно столько прайма, сколько показали расчеты с точностью до грана. Именно в этот момент начинался собственно процесс оживления, строительство нового человека по старым чертежам, воскрешение убитого Героя.

— Ты меня еще не слышишь, Егоза, но все равно: добро пожаловать, — негромко произнес лорд, и повернул главный вентиль красного бака.

Гудение усилилось, а вырывающееся из щелей сияние быстро приобрело алый цвет. Согласно расчетам первая фаза — красная, — должна продлиться пять с половиной минут...

Марево. Или туман? Или разноцветные облака, мелькают перед глазами с калейдоскопической скоростью?

Что я вижу?

Облака?

Почему облака? Разве я умею летать?

Нет, я не умею летать. Не научилась. И потому мне недоступно небо, недоступна высота птичьего полета, а облака не спускаются к земле, и не могут мелькать передо мной с калейдоскопической скоростью.

Облака — дети неба, а значит, я вижу марево. Или туман, в невесомых капельках которого прячется невиданная сила.

Что есть сила?

Сила — это я? Или туман дает мне силу? Что за туман? Он чужой или он — это я? Я — туман? Зачем я вообще об этом думаю? Что заставляет меня думать о том, откуда взялся туман? Или марево? Ведь их не было. Они появились только что, когда я открыла глаза, которых у меня еще нет.

Я — есть туман, а туман есть прайм.

Прайм.

Слово пришло ниоткуда. Оно просто возникло, во всей своей полноте, и объяснило все на свете. Туман есть прайм, марево есть прайм, разноцветные облака есть прайм и я есть прайм. А что есть сила?

Прайм есть сила?

В чем она?

В том, что прайм — есть прайм?

Я не знаю, в чем заключается правда: сила в тумане или в прайме? Или во мне? Или сила и есть я? И прайм.

Что есть я?

А следующая мысль обожгла: я умерла!

Это случилось совсем недавно. Или сто лет назад. Я не знаю, когда умерла, и сколько времени прошло до возвращения. Даже здесь, в тумане, который есть марево и разноцветные облака, нет времени, а уж там, откуда я сюда попала, и подавно. Я была мертва, а потом пришел прайм и сделал так, что я возвращаюсь. Потому что так хочет мой лорд. И я.

Да!

Я хочу жить, я слишком мало пожила. Я хочу вернуться. Но... кто хочет больше? Я или лорд? Или прайм, который дает мне силу вернуться? Почему он дает мне силу? Он подчиняется лорду? Может ли прайм подчиняться лорду? Кто именно хочет, чтобы я вернулась? Прайм или лорд?

Хочу ли я вернуться?

Через туман, марево и разноцветные облака. Постепенно ощущая, как тяжелеют появляющиеся руки, как наливаются силой появляющиеся мышцы, как тело делает первый вздох, а мысли становятся все более и более четкими.

Я просыпаюсь.

Я воскресаю.

Я возвращаюсь в мир, потому что так хочет мой лорд, потому что так хочу я, и прайм поднимает меня. Прайм в основе всего.

Хочет ли прайм моего возвращения?

Когда Индуктор открылся, Датос остался у панели управления, лишь бросил через плечо: «С возвращением!», но не повернулся. Герои возвращались в мир обнаженными, и Егоза специально просила лорда не наблюдать за ее приходом. Не потому, что стеснялась, нет... Огненные лисы не появлялись на людях без костюмов с рыжими ушками и роскошными хвостами, никто не знал, камуфляж ли это, появляющийся вскоре после воскрешения, или тела Героинь действительно изменились под воздействием прайма, и тайна сия должна была оставаться тайной. Возможно, некоторые лорды пренебрегали просьбами огненных лис, но Датос данное слово держал, терпеливо дождался, когда Егоза оденется, и лишь после этого вышел из-за машины.

— Доброе утро, Шахмана.

— Служу и повинуюсь, лорд Грид.

— Не надо так официально, Шахмана, мы одни.

«Я есть туман. Я есть прайм... Я никогда не бываю одна — прайм всегда со мной».

— Как прикажете. — Егоза склонила голову. — Что с молодым господином?

— Все в порядке.

— Я не углядела за ним.

— Карлос молод и горяч, он ищет приключений даже там, где их искать не следует.

— Молодой господин жаждет славы.

— Или ему скучно.

— Он будет великим воином.

— Если не погибнет в темном переулке.

«Это намек? Или просто сорвалось с языка? Он злится?»

Героиня склонила голову.

— Лорд Грид, я прошу меня простить.

— Тебе не за что извиняться, Шахмана. Ты приняла на себя выстрел из остробоя, закрыла Карлоса, а потом он сделал все остальное. Он достал преступника.

«Один выстрел из остробоя?!»

Героиня почувствовала себя уязвленной:

— Одним зарядом меня не свалить. Даже из остробоя.

— Очень мощный заряд, — уточнил Датос. — Преступник хорошо подготовился.

— Преступник был Героем? — подняла брови Егоза.

— Нет, обычным человеком.

— В таком случае, откуда у него остробой? И столько прайма?

— Мы разбираемся.

— Понимаю... — Егоза хотела продолжить, спросить насчет кобрийцев, но не успела. Пошатнулась и ухватилась за Индуктор. И зашипела: — Проклятье!

Накатила «слабость второго шага»: сначала вернувшийся Герой чувствует себя превосходно, и даже чуть лучше, чем превосходно. Сила бурлит в нем, как в вул-

кане, каждая клеточка переполнена ею, и хочется немедленного действия. Хоть какого-то действия: секса, боя, бега — лишь бы до изнеможения. Но через несколько минут сила неожиданно пропадает, и подступившая слабость обухом бьет Героя по голове: ты можешь далеко не все!

— Ты как? — участливо поинтересовался Датос.

Егоза тряхнула головой:

— В порядке.

«Я есть прайм...»

— Нужно отдохнуть?

— Я... я готова служить молодому господину.

Слабость не позволила Шахмане скрыть чувства, и лорд уловил в ее голосе нотки обиды. И понял, чем она вызвана.

— Надеялась увидеть здесь моего сына?

Огненная лиса замялась, но уже через мгновение гордо вскинула голову:

— Да, лорд Грид, надеялась.

Карлос должен был прийти хотя бы из чувства благодарности. Или должен был извиниться, ведь, в конце концов, это он приказал осветить переулок. Она превратилась в мишень, и боль... Смерть — всегда боль, даже мгновенная смерть. Шахмана помнила все свои смерти, не обстоятельства, а боль, что приходила вместе с небытием. Без страха помнила, но и без восторга. Молодой господин стал причиной очередного испытания, и должен был хотя бы извиниться.

— Я сказал Карлосу, что займусь твоим воскрешением ближе к вечеру, — спокойно ответил Датос. — Я его обманул.

— Почему?

Лорд задумчиво улыбнулся:

— Карлос прекрасно управляется с прайм-индуктором, но он еще не понял суть церемонии, не осознал, насколько важна она для Героев и... для лордов. Карлос видит только то, что вы бессмертны, что вы воскресае-

те после того, как пали в бою, а потому воспринимает происходящее без должного уважения. Прежде, чем встречать возвращающихся, он должен уразуметь, через что вы проходите.

— Каким образом? — не поняла ошарашенная Егоза.
«Карлос должен умереть?»

— Он должен чуточку повзрослеть. — Датос вновь улыбнулся и погладил девушку по щеке. — Он мог тебя обидеть, Шахмана. Не нарочно, разумеется, а потому что еще не готов заниматься столь сложным делом, как встреча воскресших Героев.

«Да, наверное, так оно и есть».

Настоящие лорды чувствуют своих Героев как чувствуют отцы — детей. И детей своих чувствуют, потому что отцы. И следят за тем, чтобы в семье царил мир.

— Вы хороший человек, лорд Грид, — прошептала Егоза.

— Карлос тоже хороший, но он еще молод. И когда я уйду...

— Лорд, прошу вас...

— Не перебивай! — жестко приказал Датос. Помолчал, и продолжил: — Так вот, когда я уйду, у Карлоса останетесь только вы.

— И еще ментор.

— Нет, — качнул головой лорд. — Тебе, Самострелу, Ржавому Усу и Урагану, я доверяю гораздо больше.

— Потому что у вас наши каталисты?

— Потому что мы накрепко связаны, Шахмана. Поэтому что мы вместе.

* * *

— Тихо!

— Что-то услышал? — тут же осведомился Безухий.

— Не знаю, — шепотом отозвался Одноглазый.

— Тогда почему тихо?

— Потому что я, возможно, что-то слышал.

— Слышал или нет?

— Не знаю.

Безухий покачал головой:

— Мама не зря говорила, что ты идиот.

— А о тебе ей и сказать-то было нечего.

— Меня она любила, одноглазая ты скотина.

— Меня больше.

— Меня.

— Меня!

— Меня!!

Ругаться братья могли долго — сорок лет жили они бок о бок и надоели друг другу до смерти, — а потому Безухий подавил гордость и перевел разговор в деловое русло:

— Может, все-таки скажешь, что слышал?

— В том-то и дело, что не знаю, — поморщился Одноглазый. — Шорох — не шорох... Сразу не поймешь.

— Где слышал? Справа или слева?

— Сразу не скажешь.

А вопрос, меж тем, стоял серьезный.

Караван братьев Черепвата — четыре большие кибитки и два десятка всадников, остановился у Бесшабашной Развилки, на знаменитом среди всех контрабандистов перекрестке. Тропа, уходящая налево, вилась через печально известный лес Девяти Дятлов, в который, как шутили бесшабашные остряки, даже Герои заглядывали только в сопровождении телохранителей. А гать, что вела направо, была проложена через болото Мертвых Опарышей, в котором во время Войны за Туманную Рошу сгинул без следа лейб-гвардии полк наилегчайших рыцарей под командованием лорда Вернера. А поскольку и до, и после этого печального события Мертвые Опарыши всосали в себя не одну тысячу несчастных душ, репутация у болота была аховой.

Начинающиеся у Бесшабашной Развилки дороги вели к одному месту — переправе у Камышового Острова, оставалось выбрать, по какой ехать.

— Ты шорох какой слышал: низкий или высокий?

— Не понял, — растерялся Одноглазый.

— Ну-у... басовитый, словно у трехглавой, или высокий, типа, трехглавая на жабу наступила? — как мог, объяснил Безухий.

Одноглазый несколько секунд тарашился на брата, после чего сплюнул и еще раз уточнил:

— Я шорох слышал.

— И что?

— А то, чтоб тебя докты усыновили, шорох не может быть басовитым!

— Почему?

Одноглазый наконец-то понял, что над ним потешаются, и угрюмо попросил:

— Кончай придуриваться!

В ответ услышал довольный смешок.

Братья Черепвата — Безухий и Одноглазый, заслуженно считались самыми ловкими по эту сторону Ильвы контрабандистами. Торговать с доктами они начали еще до Войны за Туманную Рошу, и тогда же в первый и последний раз попались адорнийским патрулям, потеряв соответственно, ухо и глаз. Но дело прибыльное не бросили, лишь осторожнее стали. И даже после войны, когда большие шишки, скрипя зубами, дозволили купцам наладить официальную торговлю через Фихтер, от криминального бизнеса Черепваты не отказались, продолжили возить через Ильву товар запрещенный, а стало быть — неимоверно выгодный. Торговали артефактами, что производили адорнийцы, взамен брали механическое оружие, сделанное талантливыми северными кузнецами — его охотно изучали военные южан. Прайм возили, и такое случалось, а в последнее время переключились на «скот» — так на своем сленге братья называли невольников. Распутные северные лорды, познавшие во время войны сладость пылких южанок, охотно скупали молоденьких девушек, обученных музыке, танцам, пению и любовным хитростям. На юг

же отправлялись ремесленники, умеющие быстро и ловко изготавливать простые, не требующие особой красоты, но незаменимые в хозяйстве вещи: топоры, пилы, кастрюли, сбрюю, бочки и прочий хлам. Нынешний бизнес оказался выгодным, до неприличия, но и неимоверно опасным. Правильные адорнийцы и докты за своих горой стояли, продавать соплеменников в рабство почитали за самое страшное преступление из всех возможных, и попадись братья военным вторым ухом да вторым глазом не отделались бы — за работорговлю полагалась петля. А уж за тот груз, что трясся сейчас в четырех кибитках — и подавно. Тут не только петлей пахнет, но еще и пытками...

Впрочем, забивать неприятными мыслями головы Черепваты не любили: к чему размышлять о грустном? В настоящий момент их гораздо больше волновал прикладной вопрос: по какой дороге ехать?

— На этой неделе патрулями Ахдарчамнава Щуп командует, а он ужас как любит на уток охотиться, — припомнил Одноглазый.

— А в лес заходить боится, — кивнул Безухий. — Что-то у него с Девятью Дятлами не то вышло.

— Не у него, а у евойного папаши.

— Точно тебе говорю — у него. По молодости он в этом лесу половину свиты угробил, на трехглавую наткнувшись.

— Это когда за нами погнался?

— Если бы он знал, за кем гнался, мы бы с тобой сейчас не бизнес обсуждали, а на деревьях покачивались, как маятники, какие-нить.

— Не сейчас, а десять лет назад.

— Все равно, как маятники.

— Это точно.

Безухий почесал в затылке.

— Ладно, патрули, стало быть, по болоту шастают, а с Чудью что делать будем? Где ее больше?

— Попробуем узнать.